

Жорж Сименон. У Троцкого.

Константинополь. 7 июня 1933. Я добрых десять раз встречал Гитлера в кайзеровском дворце в те времена, когда он, уже будучи канцлером, лихорадочно проводил свою избирательную кампанию. Я видел Муссолини, без устали взиравшего на легионы юношей, которые маршировали перед ним. А однажды вечером на Монпарнасе я узнал Ганди в окутанной белым фигуре, скользившей вдоль домов в сопровождении молодых женщин-фанатичек.

И вот теперь ради того, чтобы встретиться с Троцким, я очутился на мосту более многолюдном, чем парижский Новый мост, соединяющем старый и новый Константинополь, Стамбул и Галату. Почему мне припомнилось погожее воскресенье где-нибудь на Сене, неподалеку от Сен-Клу, Буживаля или Пуасси? Не знаю.

Корабли вокруг путаницы причалов напоминают мне парижские речные трамваи. Размером побольше? Разумеется, побольше. Что и говорить, выглядят они как заправские морские суда, и соленая вода плещет о трапы. Но тут все дело в пропорциях. Пожалуй, обрамление пошире, да и горизонт подальше.

Один берег здесь — Европа, а другой — Азия. Вместо буксиров и барж, бороздящих Сену, отсюда под флагами всех стран мира уходят в Черное море или протискиваются в Дарданеллы грузовые суда и теплоходы.

Впрочем, какая разница? Меня преследует атмосфера погожего воскресного дня, ресторанчиков в предместье. На палубе влюбленные парочки, крестьяне, везущие в клетках кур и петухов, матросы с увольнительными на берег, заранее улыбающиеся в предвкушении удовольствий, которые им предстоят.

Троцкий? Позавчера я написал ему письмо с просьбой о встрече. На другой же день, с утра, меня разбудил телефонный звонок.

— Господин Сименон? С вами говорит секретарь господина Троцкого. Господин Троцкий примет вас завтра в четыре. Должен сразу предупредить: высказывания господина Троцкого слишком часто искажались, а посему он желал бы получить ваши вопросы заранее в письменном виде.

Я задал три вопроса. Небо над головой синее, воздух так же прозрачен, как глубокая вода, в которой колышутся темно-зеленые водоросли. Там, в Мраморном море, в часе езды от Константинополя, виднеются четыре острова, здесь о них так и говорят — "Острова", — и вот мы уже коснулись причала одного из них.

Сущий Медон или Сен-Клу — но краски, как на Лазурном берегу. Пологие зеленые склоны, на которые бросают тень приморские сосны. Да это пригород! Барышни-машинистки и мидинетки грезят, устроившись в лодках, а их поклонники сидят на веслах. Торгуют шоколадом, мороженым, фотографы охотятся за прохожими, владелица тира мирно восседает за прилавком.

Расстояние между островами не шире, чем между берегами Сены. Среди зелени, громоздясь одна над другой, белеют виллы. Новая остановка. Потом еще одна. Почти все парочки уже сошли на берег.

Вот и Принкипо — остров, на котором находится дом Троцкого.

Мне помнится, ходили какие-то толки о роскошном убежище, о привольном курортном житье-бытье, о поместье, напоминающем райский уголок.

На берегу Сены тоже, по мере того как удаляешься от Парижа, повышается социальный уровень: скромные кабачки сменяются богатыми виллами, а прокатные ялики — моторными лодками.

В Принкипо и сам причал понаряднее, и в ресторанчиках вокруг белоснежные скатерти так и сверкают на солнце. Под полотняным навесом поджидают экипажи, запряженные парами низкорослых лошадок, но конкуренцию им составляют ослы, которые стоят оседланные и терпеливо ждут. На маленькой площади их скопилось полсотни, если не сотня.

В пятницу, когда в Турции день отдыха, их будут брать с бою. И везде, где только есть тень и трава, в каждой бухточке, за каждой изгородью, на каждом откосе будет кишеть толпа, раскладывая угощение, опьяняясь смехом, музыкой и флиртом.

Троцкий? Автомобиль везет меня по дороге, по обе стороны ее тянутся виллы. Многие сдаются внаем или продаются — в Турции тоже сильно сказывается кризис. Жалюзи закрыты, но в садах полным-полно огромных, прямо-таки тучных роз. Внизу, позади домов, мелькает синяя морская гладь. Автомобиль тормозит. Шофер указывает рукой направление. Мне остается только, миновать прогулок между двумя оградами. Воздух, вода, листва, небо — все охвачено таким спокойствием, такой неподвижностью, что кажется, будто, проходя, я разрываю солнечные лучи.

Но вот за садовой решеткой появляется человек. Форменный китель турецкого полицейского запахнут, под ним белая сорочка; обут человек, словно мирный рантье у себя в саду, в мягкие туфли-шлепанцы.

— Господин Сименон?

Я в густом саду, размерами не больше ста на пятьдесят метров. В пыли возится небольшой пес. В кресле-гамаке — небрежно одетый молодой человек; он читает английскую брошюру и не достаивает меня даже взглядом.

На веранде еще один молодой человек. Он в комнатных туфлях и тоже без пиджака. Еще двое пьют кофе в первой из комнат, всю обстановку которой составляют стол и стулья.

Движения у всех ленивые, замедленные. Наверно, это воздух виноват. Я и сам никуда не спешу, не испытываю никакого нетерпения и даже, пожалуй, никакого любопытства.

— Господин Сименон?

Один из молодых людей приветливо приближается ко мне, протягивает руку, и вскоре мы уже сидим с ним вдвоем на террасе; на другом конце сада полицейский приводит в порядок свой мундир.

Здесь можно было бы сидеть часами, ничего не делая, ничего не говоря и, быть может, без единой мысли в голове.

— Если вы не против, давайте сначала поболтаем с вами вдвоем. Потом вы увидите господина Троцкого.

Секретарь не русский. Это молодой северянин, пышущий здоровьем, розовощекий, светлоглазый. По-французски говорит так, словно родился в Париже.

— Я очень удивлен, что господин Троцкий согласился вас принять. Обычно он избегает журналистов.

— Вы знаете, чему я обязан такой благосклонностью?

— Понятия не имею.

Я тоже. Не узнаю я этого и в дальнейшем. Возможно, мои вопросы совпали с желанием Троцкого именно в тот момент высказаться на определенную тему?

Мы болтаем, а вокруг нас все неподвижно в неподвижном воздухе. Двое молодых людей в саду — гости: один из них англичанин, другой швед. Они уедут через неделю или через месяц, а на их место явятся другие, из какой угодно части света, друзья или ученики, и будут жить некоторое время поблизости от дома на Принкипо. Близость самая настоящая — в такой полной близости живут обитатели казарм.

Наверху, по дороге, проносятся машины.

— Покушений не бывает?

— Не бывает. Как видите, жизнь здесь простая. Вот в той будке, в глубине сада, живут два полицейских. Господин Троцкий навещается в Константинополь только к врачу или к дантисту. Садится на тот корабль, которым вы приехали, а полицейские его сопровождают.

К этому сводятся все отлучки из дома. Г-н и г-жа Троцкие нуждаются в советах врача.

В остальное время не выбирают даже в деревню. Да и зачем? Чтобы это понять, надо побывать здесь, на террасе, возвышающейся над садом и морем, откуда рукой подать до Азии с одной стороны и до Европы с другой.

— Хотите встретиться с ним прямо сейчас?

В комнатах голые белые стены, их отчасти разнообразят лишь стеллажи с книгами. Книжки на всех языках; замечаю "Путешествие на край ночи" в затрепанном переплете.

— Господин Троцкий недавно прочел эту книгу, и она его глубоко взволновала. Между прочим, французскую литературу он знает лучше всего...

Троцкий встает, чтобы пожать мне руку, затем снова садится за письменный стол и слегка придавливает меня взглядом.

Его описывали тысячи раз, и у меня нет охоты предпринимать еще одну попытку. Хотелось бы только передать то впечатление спокойствия и безмятежности, которою он на меня произвел, того же спокойствия и той же безмятежности, что чувствуются и в саду, и в доме, и во всей обстановке.

Троцкий попросту, дружески протягивает мне машинописные страницы с ответами на мои вопросы.

— Я продиктовал их по-русски, а сегодня утром секретарь их перевел. Попрошу вас только расписаться на втором экземпляре, я его сохраню.

По письменному столу раскиданы газеты со всего мира; наверху "Пари-Суар". Судя по всему, перед моим приходом Троцкий ее проглядывал.

В окопном проеме виднеется конец сада, где пришвартован миниатюрный флот: маленький местный каяк и моторка со съемным двигателем.

— Вот видите, — улыбается Троцкий. — С шести утра я на рыбалке.

Он не упоминает о том, что вынужден брать с собой на рыбалку полицейских, но я и без него это знаю.

Он кивает в сторону покатых холмов малой Азии, до которых не более пяти километров.

— Зимой я там охочусь...

На столе рядом с газетами начатая статья.

Вот и все, вот и вся жизнь в этом доме. Раз, а то и два раза в день Троцкий закидывает удочки в спокойные воды Мраморного моря.

Остальное время он проводит здесь, в кабинете, так близко и в то же время так далеко от мира.

— К сожалению, газеты я получаю с опозданием в несколько дней.

Он улыбается. Лицо у него спокойное, взгляд ясный. Но каких усилий это ему стоит? Не приходится ли ему беречь силы? И не для того ли, чтобы продолжить свое дело, обрек он себя на это шаткое существование немного напоминающее жизнь человека, осторожно делающего первые шаги после болезни?

А может быть, это простое благоразумие?

— Можете задавать вопросы.

Это правда. Но я обязался не разглашать того, что он мне говорит. Троцкий комментирует свои высказывания, которые отдал мне в напечатанном виде. И голос его, и движения гармонируют с окружающим покоем.

Мы долго беседуем о Гитлере. Эта тема его занимает. Я излагаю ему весьма противоречивые мнения, услышанные мною в различных концах Европы, не столько о деятельности фюрера, сколько о нем самом, о его сильных сторонах.

Полагаю, что не нарушу своего обязательства, повторив несколько поразивших меня слов, прозвучавших там, в доме в Принкипо, так далеко от Берлина:

— Гитлер делал себя сам по мере того, как осуществлял свою задачу. Он учился, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, переходя от этапа к этапу, в процессе борьбы...

А ответы на мои вопросы? Давайте прочитаем их вместе.

II

Я спросил Троцкого: Считаете ли вы, что расовый вопрос будет преобладающим в процессах, которыми сменится нынешнее брожение? Или главным будет социальный вопрос? Или проблемы экономики? Или военная проблемна?

Ответ Троцкого:

— Нет, я далек от мысли, что раса станет решающим фактором в процессе ближайшей исторической эволюции. Раса есть сугубо антропологическая материя — гетерогенная, неочищенная, смешанная (*mixtum compositum*), — материя, из которой историческое развитие сотворило полуфабрикаты, называемые нациями. Судьбу грядущей эпохи решат классы и социальные группы, политические течения, рождающиеся на основе классов. Разумеется, я не отрицаю значения свойств и особенностей, присущих расам, но в процессе эволюции они отходят на задний план, уступая место технике труда и технике мысли. Раса — элемент статичный и пассивный, история — это динамика. Каким образом относительно неподвижный элемент может определять собой движение и развитие? Все отличительные черты рас исчезают перед двигателем внутреннего сгорания, не говоря уж о пулемете.

Когда Гитлер готовился к установлению государственного режима, адекватного чистой германо-нордической расе, он не нашел ничего лучшего, как заняться плагиатом, взяв за образец южную расу латинян. В свое время Муссолини в борьбе за власть использовал, хоть и опрокинув ее с ног на голову, социальную доктрину, принадлежащую немцу, вернее, немецкому еврею, Марксу, которого еще за два года до того он называл "наш общий бессмертный учитель". Если сегодня, в двадцатом веке, нацисты предлагают повернуться спиной к истории, к социальной динамике, к цивилизации и вернуться к "расе", то почему бы не вернуться еще дальше назад: ведь антропология есть часть зоологии, не так ли? Кто знает? Возможно, в царстве антропопитека расисты почерпнут самое возвышенное, самое бесспорное вдохновение, которое поможет им в их творчестве?

Диктатуры и демократии

Вопрос: *Можно ли рассматривать группу диктатур как эмбрион перегруппировки народов, или это случайный, преходящий факт?*

Ответ Троцкого:

— Не думаю, что объединения государств будут происходить под знаком диктатуры с одной стороны и демократии с другой.

За исключением тонкого слоя профессиональных политиков, нации, народы и классы не живут политикой. Государственные формы — это не более чем средство для выполнения определенных задач, главным образом экономических. Разумеется, определенное сходство государственных режимов располагает к сближению и облегчает его. Но в конечном счете все решают материальные соображения — экономические интересы и военные расчеты.

Считаю ли я группу фашистских (Италия, Германия) и квазибонапартистских (Польша, Югославия, Австрия) диктатур эпизодическими и преходящими? Увы! Мой диагноз не столь оптимистичен. Фашизм вызван не психозом и не "истерией" (этим пускай утешаются салонные теоретики вроде графа Сфорца), а глубоким экономическим и социальным кризисом, который безжалостно подтачивает весь организм Европы. Нынешний циклический кризис лишь обостряет органические болезненные процессы. Циклический кризис неизбежно уступит место оживлению конъюнктуры, хотя и меньшему, чем ожидалось. Но общая ситуация в Европе улучшится ненамного. После каждого кризиса малые и слабые предприятия становятся еще слабее или совсем умирают, а сильные делаются еще сильнее. Раздробленная Европа напоминает собой сочетание малых предприятий, враждебных друг другу, рядом с экономическим гигантом Соединенных Штатов. Ситуация в Америке сегодня весьма тяжелая: сам доллар пошатнулся. Однако в результате нынешнего кризиса соотношение сил в мире изменится в пользу Америки и в ущерб Европе.

Тот факт, что старый континент в целом теряет привилегированное положение, которое занимал в прошлом, ведет к безудержному обострению антагонизма между европейскими государствами и между классами внутри этих государств. Разумеется, в разных странах эти процессы достигли разной степени напряженности. Но я говорю об общей исторической тенденции. Ростом социальных и национальных противоречий объясняется, на мой взгляд, происхождение и относительная стабильность диктатур.

Чтобы пояснить свою мысль, позволю себе сослаться на свой собственный ответ, данный несколько лет тому назад на такой вопрос: почему демократии уступают место диктатурам и надолго ли это? Разрешите мне процитировать здесь дословно статью, написанную 25 февраля 1929 года.

"Иногда говорят, что в подобных случаях мы имеем дело с отсталыми или недостаточно зрелыми нациями. Едва ли такое объяснение пригодно для Италии. Но даже в тех случаях, когда это объяснение справедливо, оно ничего не проясняет. В девятнадцатом веке считалось непреложным законом, что отсталые страны должны восходить по ступенькам демократии.

Почему же двадцатый век толкает их на стезю диктатуры? Демократические институты обнаруживают неспособность выдерживать современные противоречия, то международные, то внутренние, а чаще всего в одно и то же время и международные и внутренние. Хорошо это? Или плохо? Так или иначе, об этом свидетельствуют факты.

По аналогии с электротехникой, демократию можно определить как систему переключений и изоляций, страхующих против чрезмерно сильных токов национальной и социальной борьбы. Ни одна эпоха в истории человечества не была насыщена такими антагонизмами, как наша. В разных точках европейской сети все более и более чувствуется перенапряжение тока. Под этим чрезмерным напряжением, создаваемым классовыми и международными противоречиями, демократические переключатели плавятся или взрываются. Тут и наступает короткое замыкание диктатуры. Разумеется, первыми выходят из строя наиболее слабые выключатели".

Когда я писал эти строки, в Германии у власти еще стояло правительство социал-демократов. Ясно, что дальнейший ход событий в Германии, стране, которую никто не назовет отсталой, ни в малейшей степени не могло поколебать мое суждение.

Правда, за это время революционное движение в Испании смело не только диктатуру Примо де Ривера, но и монархию. Такого рода противоположные течения неизбежны в историческом процессе. Но на полуострове по ту сторону Пиренеев еще отнюдь не установилось равновесие. Новый режим в Испании еще не доказал своей стабильности.

Мир или война?

Вопрос: Считаете ли вы возможной ползучую эволюцию, или видите необходимость сильной встряски? Как долго, на ваш взгляд, может продлиться нынешнее состояние неустойчивости?

Ответ: Фашизм, в частности немецкий национал-социализм, вносит в Европу бесспорную угрозу военных потрясений. Глядя со стороны, я, быть может, ошибаюсь, но мне кажется, что никто не отдает себе отчета в истинных размерах опасности. Возможно, впереди еще не месяцы, а годы, — хотя, во всяком случае, меньше десятилетия, — но я считаю военный взрыв со стороны Германии совершенно неизбежным. Именно этот вопрос может иметь решающее значение для судеб Европы. Впрочем, в самое ближайшее время я надеюсь высказаться на эту тему в печати. Быть может, вам покажется, что я оцениваю ситуацию слишком мрачно? Но я лишь пытаюсь извлечь выводы из фактов, руководствуясь не логикой симпатий и антипатий, а логикой объективного процесса. Надеюсь, мне не нужно доказывать, что нашу эпоху нельзя назвать эпохой мирного и спокойного процветания. Но моя оценка может представляться пессимистичной только тому, кто измеряет ход истории в слишком мелких единицах. Все великие эпохи казались весьма мрачными, если на них смотрели с близкого расстояния. Надо признать, что механизм прогресса весьма несовершенен. Но нет никаких причин полагать, будто Гитлер или совокупность нескольких Гитлеров навсегда или по крайней мере на десятилетия сумеют отбросить этот механизм назад. Они повредят много зубцов в шестернях, искривят много рычагов, они могут отбросить Европу назад на столько-то лет. Но я не сомневаюсь, что в конечном счете человечество выйдет на верный путь. Поручкой тому прошлое.

— У вас есть ко мне еще вопросы?

— Только один, но, боюсь, несколько нескромный.

Он улыбается и делает рукой ободряющий жест.

— Газеты утверждают, что недавно вас навестили эмиссары из Москвы, которым было поручено призвать вас назад в Россию. Так ли это?

Улыбка становится шире:

— Нет, не так, но я знаю источник этого слуха. Это моя статья, опубликованная в американской прессе месяца два тому назад. Там я среди прочего говорил о том, что, учитывая нынешнюю политику России, был бы готов вновь послужить этой стране, если ей будет грозить опасность.

Он спокоен и невозмутим.

— Вы имеете в виду активную деятельность на службе у России?

Он кивает; тем временем один из молодых людей сносит в лодку удочки — несомненно, для вечерней рыбалки.

Возвращение из Сен-Клу, то есть с Принкипо; речной трамвай.

Вечером обедаю в "Режанс". Проспект гласит: "Элегантный ресторан; здесь вас встретят русские дамы-аристократки"...

Потому что в Константинополе еще остались тысячи русских эмигрантов, и вечерами здесь, как в Париже, Берлине и других городах, царят ностальгические балалайки, пирожки, водка и шашлыки.

В этот час на острове, с которого уже разъехались мидинетки и продавцы универсальных магазинов, Троцкий спит.

Из журнала «Всемирное слово», 1992, №3.